

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИИ ОТЦА КАРМОДИ	5
МИР НАИЗНАНКУ	371
БОЖИЙ ПРОМЫСЕЛ	501
ВЛАДЕТЕЛИ СУВЕРЕННЫХ ПРИВИЛЕГИЙ, ИЛИ БЕСПЕРЕБОЙНАЯ КОРМЕЖКА	573
Примечания	659

ИСТОРИИ ОТЦА КАРМОДИ

НЕСКОЛЬКО МИЛЬ

Братец Джон Кармоди стоял, наклонившись, и выдергивал морковь из грядки, когда услышал свое имя. Он выпрямился, охнув и приложив ладонь к ноющей пояснице, и стал ждать братца Франциска, поскольку тот не велел ему подойти, а просто назвал его имя.

Братец Джон был приземистым, плотным мужчиной с квадратным лицом, одним обвисшим веком и копной иссиня-черных волос, торчавших словно иглы дикобраза. Послушники ордена Святого Иаира, к которому он принадлежал, не брили головы. Братец Джон носил бордовую рясу из стекловолокна длиной по лодыжки и бордовые пластмассовые сандалии. Его обширный живот охватывал широкий пояс из искусственной кожи, с которого свисал крест и маленькая бордовая книжечка.

Братец Франциск, высокий, худой человек с узким лицом и покатым носом, остановился перед братцем Джоном. Показал на пучок моркови в руке толстяка и спросил:

— Что с ними случилось, братец?

— Кролики, — ответил братец Джон. Воздел глаза к небу и яростно потряс руками, хотя блуждавшая по его лицу ухмылка выдавала, что он только изображает гнев. — Кролики! И как это объяснить, а? Мы живем в городах, полностью укрытые крышами и защищенные стенами, которые уходят глубоко в землю. И все же кролики, мыши и крысы умудряются пробираться под этими стенами и разорять наши сады и кладовые. А белки каким-то образом запрыгивают на наши деревья, а птицы, которые, очевидно, протискиваются через пустоты между молекулами крыши, гнездятся на каждом дереве. И повсюду насекомые, которые не умеют рыть, а только летают и прыгают. — Он отмахнулся от мухи. — В том числе на моем носу. Это назойливое создание дьявола уже полчаса щекочет мою выдающуюся часть лица. Но я отказываюсь убивать его на основании того, что, воз-

можно, оно послано, дабы склонить меня к гневу и жестокости. И, вынужден добавить, почти преуспело в этом.

— Братец Джон, ты слишком много болтаешь, — сказал братец Франциск. — Исключительно много. Однако я пришел сюда не затем, чтобы упрекнуть тебя в этом...

— Хотя и задержался ради этого, — вставил братец Джон, после чего быстро, прежде чем побагровевший братец Франциск начал отвечать, добавил: — Прости мне мои последние слова. И предпоследние тоже. Как ты и сказал, я слишком много болтаю. Это серьезный недостаток, а если и не недостаток, то качество, достойное осуждения, и...

— Братец Джон! — воскликнул братец Франциск. — Ты можешь помолчать, чтобы я смог сообщить тебе, зачем пришел? Во все не затем, чтобы удовлетворить свое любопытство, знаешь ли.

— Прости меня, — сказал братец Джон. — Я весь внимание.

— Епископ желает тебя видеть, и немедленно, — очень быстро произнес братец Франциск, словно боялся, что братец Джон перебьет его, если он сделает вдох между словами.

Повернувшись, братец Джон бросил испорченную кролика-ми морковь в одну тачку, а хорошую морковь — в другую. Затем направился к главному зданию, длинному, приземистому строению из прессованных глиняных кирпичей, выкрашенному в темно-бордовый цвет. Крутая крыша начиналась в нескольких футах над стенами, приподнятая тонкими жердями; пространство между крышей и стеной закрывала решетка из бордового металла. В дверных проемах не было дверей, поскольку по традиции орден никогда их не запирает, а в управляемом климате закрытого города отсутствовала необходимость укрываться от непогоды. Крыша всего лишь защищала обитателей от пролетающих над головой людей.

Братец Джон вошел в главное здание и, не потрудившись вымыть грязные руки и лицо, напрямик направился в кабинет настоятеля. Когда шеф вызывал к себе, не стоило медлить.

Внутри здания двери имелись, хотя и незапертые. Поскольку дверь в кабинет настоятеля была закрыта, братец Джон постучал.

— Входите! — ответил голос изнутри, и братец Джон не в первый раз после того, как стал послушником ордена, вошел в большую треугольную комнату. Он стоял у основания треугольника, а настоятель сидел за большим матовым столом у его вершины.

На столе были стопки кассет, стенограф и видеофон. Однако отец настоятель не терялся за этими горами предметов: он был очень высоким человеком.

У него было широкое лицо, длинные ржаво-рыжие волосы и ржаво-рыжая борода, носить которую имел право он один во всем «подворье». Он попыхивал огромной гаванской сигарой.

Братец Джон, на месяц отказавшийся от курения в качестве покаяния за один из своих грехов, жадно втянул носом клубившийся вокруг зеленый дым.

Отец настоятель выключил рычажком стенограф, в который диктовал.

— Доброе утро, братец Джон, — сказал он и помахал перед толстяком кассетой. — У меня приказ, который только что прибыл на космическом корабле. Ты должен незамедлительно отправиться на планету Непокорность и явиться к епископу Сломоголовы. Нам будет во многих отношениях тебя не хватать, но мы тебя любим. Прими наши благословения, и Бог в помощь.

Голубые глаза братца Джона расширились. Он не двинулся с места и впервые за долгое время утратил дар речи.

Однако отец настоятель прикрыл глаза, откинулся на спинку своего раскладывающегося кресла и продолжил диктовать одним уголком рта, пуская сигарный дым из другого. Было ясно, что он считал разговор законченным.

Мгновение братец Джон таращился на длинный столбик пепла на конце сигары настоятеля. Очевидно, пепел должен был вот-вот упасть, и братец Джон гадал, упадет ли он прямо в длинную рыжую бороду внизу.

Но отец настоятель, не открывая глаз, вынул сигару изо рта и стряхнул пепел на каменный пол.

Пожав плечами, братец Джон вышел из кабинета, но на его лице по-прежнему читалось изумление.

Оказавшись в коридоре, он несколько минут помедлил. Потом со вздохом вышел на улицу и пересек сад, направляясь к братцу Франциску.

— Братец Франциск, мне дозволено говорить?

— Да, — ответил худой человек. — При условии, что ты будешь придерживаться сути, а не станешь болтать языком туда-сюда, как обычно.

— Где находится Непокорность? — спросил братец Джон тоном, граничившим с беспомощным.

— Непокорность? Думаю, это четвертая планета Тау Цезаря. У нашего ордена там церковь и подворье, — ответил братец Франциск.

Братец Джон не решил, будто у ордена есть таверна на планете. Обитатели ордена традиционно называли подворьями, поскольку так их называл его основатель, Святой Иаир.

— А почему ты спрашиваешь? — поинтересовался братец Франциск.

— Отец настоятель только что приказал мне отправиться на Непокорность. — Братец Джон с надеждой посмотрел на брата Франциска.

Но тот лишь ответил:

— Тогда тебе не следует мешкать. Бог в помощь, братец Джон. Моя любовь с тобой. Я много раз укорял тебя, но делал это для твоего же блага.

— Благодарю тебя за твою любовь, — сказал братец Джон. — Но я в замешательстве.

— Почему?

— Почему? К кому мне обратиться, чтобы получить билет на корабль? Кто выдаст мне чек на дорожные расходы? Как насчет рекомендательного письма епископу Сломяголову? Я даже не знаю его имени. Не знаю даже, когда отправляется корабль на Непокорность и как долго и где мне его придется ждать. Не знаю даже, где находится космопорт!

— Ты слишком много болтаешь, — сказал братец Франциск. — Тебе дали все указания, которые имелись. И в которых ты нуждаешься. Что касается космопорта, он в нескольких милях за городом. А подворье на Непокорности — в нескольких милях от города Сломяголову. Если повезет, ты доберешься туда сегодня к вечеру.

— Это все, что ты можешь мне сказать? — спросил братец Джон, не веря своим ушам.

— Всего несколько миль, — повторил братец Франциск. — Ты должен отправиться немедленно. Сам знаешь, это приказ.

Братец Джон пристально посмотрел на брата Франциска. Почудилось ли ему, — или длинное, худое, неулыбчивое лицо

готово было расплыться в ухмылке? Нет, должно быть, показалось. Лицо было серьезным и непоколебимым.

— Не тревожься, — сказал братец Франциск. — Когда-то я получил такой же приказ. Как и все прочие.

Братец Джон прищурился.

— Это какое-то испытание?

— Орден не стал бы посылать тебя за сорок тысяч световых лет *только* для того, чтобы испытать, — ответил братец Франциск. — Ты нужен на Непокорности. Так что отправляйся.

Братец Джон Кармоди редко колебался. Приняв решение, — а на это у него обычно уходило немного времени, — он действовал. Сейчас он стремительно зашагал к общественной душевой, вошел в кабинку и снял рясу, обнажив белое тело и ноги, до промежности выкрашенные в черный цвет. Он сунул рясу в прямоугольное отверстие в стене и встал под душ. Там он не задержался, поскольку, хотя орден оснастил подворье полностью автоматическим душем, вода из него текла исключительно холодная, дабы членом ордена не было слишком комфортно. Раз в месяц разрешалось помыться теплой водой.

Дрожа, Кармоди вышел из душа и обсох в потоке воздуха, тоже холодного, дувшего из отдушин в стене. Потом он достал свою рясу из отверстия под тем, в которое ее положил, оделся и вознес короткую благодарственную молитву за то, что орден хотя бы установил чистящий аппарат. На пограничной планете Непокорность ему придется стирать одежду вручную. И, учитывая его скромное положение в ордене, вероятно, не только свою.

Поправляя рясу, он направился в свою келью. Это была комната размером шесть на семь футов, с люминесцентными стенами, на одной из которых висело распятие, гамаком, который днем был свернут и убран в чехол, откидным письменным столом и нишей в стене, где Кармоди хранил все свои земные сокровища. Их — а именно молитвенник, историю Церкви от 1 до 2260 гг. н.э., учебник латинской грамматики и Житие Святого «Иаира» — он сложил в мешок, которым служил свисавший на плечи капюшон. Затем он встал на колени перед распятием, произнес: «Господь и повелитель, позволь мне понять, что я делаю. Аминь», поднялся и направился к выходу из кельи. Прежде чем покинуть ее, Кармоди, не сбившись с шага, протянул руку

и снял с колышка на стене длинный пастуший посох. Всем послушникам требовалось носить с собой такой посох, когда они отправлялись во внешний мир, если, конечно, инкапсулированный город Четвертое Июля можно было назвать внешним миром.

Полдень миновал, и аризонское летнее солнце клонилось к закату. Братец Джон обнаружил, что снаружи ненамного теплее, чем в подворье. В это время суток пластиковая крыша над городом была матовой и отражала большую часть солнечных лучей. Однако братцу Джону не терпелось поскорее оказаться за городскими стенами, пусть это и означало попасть в удушающий жар Аризоны середины лета. Он давно чувствовал себя запертым и, хотя открыто не жаловался, мечтал выбраться наружу. В чем и покался, и понес соответствующее наказание.

На мгновение он остановился. Он знал, что космопорт находится рядом с Четвертым Июля, но понятия не имел, с какой стороны. Поэтому братец Джон отправился к полицейскому.

Полицейский был нового типа, модели «Марк LIV». Его лицо и тело были сделаны из танталового сплава, но глаза были протоплазменные, скопированные с глаз какого-то древнего трупа и выращенные в лаборатории. Полицейский обладал частичной свободой действий, поскольку мозг в его металлическом теле представлял собой не механизм, которым дистанционно управляли из подземной штаб-квартиры, а скопление серой протоплазмы в форме человеческого мозга, только в два раза больше и в два раза глупее. Он не мог поддерживать пристойную беседу, а непристойную тем более, но неплохо справлялся со своей работой, и его нельзя было подкупить или переубедить. И, в отличие от своих предшественников, он передвигался на ногах, а не на колесах. Ступни у него были плоские.

Братец Джон прочел имя на груди полицейского и спросил:

— Офицер О'Мэйлли, где находится космопорт?

— Какой космопорт? — ответил полицейский громким, лишенным эмоций голосом, от которого у братца Джона по спине побежали мурашки. Это было все равно, что беседовать с человеком, лишенным души.

— Ах да, я забыл, — сказал братец Джон. — Давненько не общался с полицейскими. И обычно они в меня стреляли. Я должен задавать четкие вопросы, *ne'st-ce pas?*

— *Нес-на?* — повторил полицейский. — На каком языке вы говорите? Я свяжу вас со штаб-квартирой. — И он потянулся огромной серой чешуйчатой рукой к микрофону, присоединенному сбоку к его голове.

— Я говорю по-американски, — поспешно сказал братец Джон. — Я хотел бы знать, как попасть отсюда в космопорт Четвертого Июля.

— Вы поедете на трубопроводе или на личном автомобиле? — спросил полицейский.

Братец Джон сунул руки в огромные карманы своей рясы, затем достал их пустыми.

— Пешкодралом, — печально сообщил он.

— Вы сказали, что говорите по-американски, — произнес полицейский. — Пожалуйста, говорите по-американски.

— Я имею в виду, что пойду в космопорт ногами, — сказал братец Джон. — Пешком.

Мгновение полицейский молчал. Его металлическое лицо ничего не выражало, однако братец Джон, обладавший живым воображением, решил, что заметил проблеск озадаченности, которая затуманила черты робота, а потом исчезла.

— Я не могу сказать вам, как попасть туда пешком, — сообщил полицейский. — Минуточку. Я соединю вас со штаб-квартирой.

— В этом нет необходимости, — поспешно сказал братец Джон. Он представил, как долго объясняет штаб-квартире, почему *идет пешком* к выходу из города из этой отдаленной точки. Не исключено, что его задержат до прибытия полицейского-человека, чтобы тот разобрался в ситуации.

— Я могу идти вдоль трубопровода до самого конца, — сказал он, показывая на линию высоких металлических столбов, каждый из которых венчала огромная металлическая петля. — В какую сторону мне идти, чтобы добраться до ближайшего выхода к космопорту? — И добавил: — Четвертого Июля.

Две секунды полицейский молчал. Потом спросил:

— Вы ведь не имеете в виду дату четвертое июля? Вы имеете в виду космопорт под названием Четвертое Июля, верно?

— Верно, — подтвердил братец Джон.

Полицейский показал на ближайший трубопровод.

— Сядьте в северный вагон на Трубопроводе номер десять. Сойдите у выхода из города. Выйдите из города. Оттуда возьмите такси до аэропорта Четвертого Июля.

— Спасибо, — сказал братец Джон.

— Городские службы рады вам помочь, — ответил полицейский.

Братец Джон поспешил прочь. Живые глаза на мертвом лице заставляли его нервничать. Но он невольно задумался, действительно ли полицейский был неподкупным. И если бы с ним общался старый Джон Кармоди, все могло бы обернуться иначе! Не скромный послушник ордена Святого Иаира, спрашивающий дорогу, а самый умный преступник в космосе, желающий выяснить, действительно ли существует коп, которого нельзя подкупить, обмануть или шантажировать!

— Джон Кармоди, — сказал себе братец Джон, — тебе далеко до чистоты мыслей. И ты только что заработал очередное наказание. Спаси тебя Господь! Ты едва покинул монастырь, только что вышел во внешний мир — и уже думаешь о прошлом как о старых добрых деньках. Но ты был чудовищем, Джон Кармоди, ужасным чудовищем, которое следовало уничтожить, а вовсе не обаятельным мерзавцем, каким себя воображаешь.

Он прошел под трубопроводом. Сверху аэробус пронесся сквозь петли на концах столбов, замер в ста ярдах впереди и опустился на землю, чтобы высадить пассажиров. Братец Джон пожалел, что у него нет децикредита, или «деци», чтобы оплатить проезд. Одного децикредита хватило бы, чтобы добраться до выхода из города, и избавило бы его от необходимости тащиться десять миль пешкодралом.

— Будь желанья лошадыми, Джон... — со вздохом произнес он, затем усмехнулся, представив себя на лошади в этом городе. Какую бы это вызвало панику! Люди сбегались бы со всех сторон, чтобы посмотреть на монстра, которого теперь можно увидеть только по триди или в зоопарке! Другие разбегались бы в страхе, вызвали бы полицию, и он... оказался бы в тюрьме. Причем виновный не только в мирском преступлении, но и в церковном. Скромный послушник, отнюдь не скромно гар-

цующий на лошади! Или это лошади следовало гарцевать? Виновный в нарушении общественного порядка, призывах к бунту и Бог знает чем еще.

Он снова вздохнул и пустился в путь. К счастью, думал он, человек может пройти город из конца в конец, если будет держиваться узкого пути, созданного столбами трубопровода. В отличие от прежних времен, когда для людей существовали улицы, чтобы по ним ходить, теперь город представлял собой лабиринт тесных дворов с высокими заборами и одной-единственной общей комнатой в середине каждой полосы огороженной травы. Основная часть жилища располагалась под землей. А под домами находились фабрики и конторы, в которых обитатели домов зарабатывали себе на жизнь. Если это можно было назвать жизнью.

Он шел и шел, а у него над головой горожане перемещались на аэробусах трубопровода или летали на личных автомобилях (арендованных у общины, к которой принадлежали). Однажды над братцем Джоном пролетела малиновка, и он сказал:

— Ах, Джон, если бы ты верил в опасную доктрину переселения душ, то пожелал бы в следующем кармическом цикле родиться птицей. Однако ты в нее не веришь, так что нечего вздыхать о крыльях. Это ноющие ноги нагоняют на тебя тлетворные мысли. Шагай, Джон, шагай! Плетись, как усталый осел, каким ты и являешься.

Он прошел еще пару миль, а затем, к своему удовольствию, увидел перед собой парк. Это был один из двух крупных городских парков, куда горожане выбирались, чтобы быть поближе к внешнему миру. Здесь имелись извилистые земляные дорожки и груды камней, напоминавшие небольшие горы, и пещеры в этих горах, и деревья, и птицы, и белки, и озера, в которых плавали лебеди, гуси и утки, а из воды время от времени выпрыгивала рыба.

По сравнению с геометрическими джунглями, из которых только что выбрался братец Джон, это был рай! Увы! В нем отсутствовали змеи, зато было в избытке Адамов и Ев. Они толпились повсюду со своими маленькими Авелями и Каинами, сидели, пили, ели, кричали, бегали, визжали, орали, занимались любовью, ссорились, смеялись, хмурились.